

не привыкший к политической свободе, не поймет ее и не оценит; что он злоупотребит ею для дезертирства, грабежа и резни, а потом *продаст ее тиранам за личный и классовый прибыль...* Подпиливали столбы и воображали себя титанами Атлантами, способными принять государственное здание на свои плечи. Закладывали динамит и воображали, что удастся снести одну крышу, которая немедленно сама вырастет вновь из «нерухнувшего» здания. Сеяли ветер на все четыре стороны и, пожиная бурю, удивлялись, что их парусную лодочку опрокинуло волною...

На этой политической близорукости, на этом доктринерстве, на этой безответственности — была построена вся программа и тактика русских революционных партий. Они наивно и глупо верили в политический произвол и не видели *иррациональной органичности русской истории и жизни*. И слишком поздно поняли свои ошибки. Благороднейшие из них признали свои недоразумения и промахи уже в эмиграции (Плеханов, Церетели, Фундаминский), тогда как другие и доселе восхищаются своим «февральским» безумием...

Возникновение и преодоление большевизма в России

Трагедия русской революции стала возможною вследствие того, что *индивидуализация инстинкта в России опередила индивидуализацию духа*, а исторические события и испытания *требовали иного*. Мировая война 1914–1918 гг. потребовала от русского народа чрезвычайных напряжений и жертв, а главное, несоблазненности и несоблазняемости частным прибытком: нужна была воля к победе, а не имущественному переделу; необходимо было государственное чувство и великодержавное понимание, а не классовая зависть и ненависть, не мстительное памятозлобие, подземно тлевшее еще от эпохи крепостного права. События снова поставили русский народ на распутье, как уже не раз бывало в его истории. И было опять два пути, две возможности: или, по слову летописи, «грозно и честно нести дело» России, или же начать «Русь нести розно». Русский народ не выдержал искушения, не справился с соблазном и пошел по второму пути, подсказанному большевиками. *Индивидуализированный инстинкт восстал против духа*, не внял его призывам, отверг его заветы и предпочел (как говорили тогда) «похабный мир» и всенародный имущественный передел.

Все дальнейшее было этим предопределено. Массы доверились тем, кто их повел по второму пути. А те, которые зазвали их на этот путь, никогда и не помышляли о России с творческим патриотизмом и никогда не ценили личного начала (ни в инстинкте, ни в духе). Готовился великий обман: массы помышляли о частном прибытке, о частной собственности, об избавлении от непонятного им исторически-государственного «пресса» и о смутно воображаемой «народной власти»; а коммунисты готовили и дали массам — отмену частной собственности, хозяйственное разорение, исторически невиданный и неслыханный (тоталитарно-террористический) *зажим* государственного пресса и новую антинациональную и противонародную, привилегированную «элигу» («компартия»).

В результате этого русский человек, начавший революцию в качестве *инстинктивно-индивидуализированного бунтовщика**, заканчивает ее в качестве *инстинктивно и духовно-коллективизированного раба*. Большевизм был только соблазном; настоящим замыслом был коммунизм. Надо было взбунтовать русского гражданина, чтобы превратить его в крепостного пролетария. Надо было сделать ставку на разнуздание индивидуального инстинкта, — чтобы захватить власть, чтобы в дальнейшем *раздавить всякую индивидуализацию*, — как инстинктивную, так и духовную, — чтобы *подорвать и искоренить* (по возможности) *всякую духовность*, — как личную, так и примитивно-коллективную, чтобы *коллективизировать инстинкт, оторвать его от духа и закрепить эту коллективизацию нищетой, голодом и страхом*. Коммунистическая партия может быть уподоблена свирепому «ордену» (в смысле орденской организации), но только *рабовладельческому ордену, без Бога, чести и совести*; а режим, созданный ею, подобен огромной рабовладельческой колонии, построенной на искоренении лично-инициативного (инстинкт!) и лично-творческого (дух!) начала и на попытке превратить человека из *одухотворенного организма в духовно-опустошенный, но покорный механизм*.

Такова трагедия русской революции. Чем же объяснить ее? Как она стала исторически возможной?

Русскому народу всегда была присуща *тяга к индивидуализации*, склонность человека «быть о себе», стоять на своих ногах, самому строить свою жизнь, иметь свое мнение и расширять предел своей личной власти над вещами.

* В самый разгар гражданской войны сибирские крестьяне так и выговаривали: «Мы большевики, но не коммунисты»... Таково же было и движение Махно.

Еще византийские источники, описывая славян, отмечают не только их храбрость и выносливость, их семейственность и целомудрие, их ласковость и гостеприимство, но и в особенности их свободолюбие, их отвращение ко всякому игу, их склонность расходиться друг с другом во мнении и обнаруживать взаимную страстную неуступчивость (Маврикий, Прокопий¹, VI век по Р. Х.). В этой характеристике верно подмечено *центробежное тяготение славянского характера*. Это тяготение не исчезает и в дальнейшей истории России и служит в ней немалую положительную службу. Способность славянина к самостоятельности, личной ответственной инициативе обнаруживается и в истории сербской борьбы против турок за независимость («четничество»). В своей дезорганизующей форме оно выступает в польском «либерум вето», т. е. в праве каждого члена сейма сорвать своим единоличным несогласием всякий по большинству голосов принимаемый закон (1652–1764).

Наряду со славянским элементом надо отметить далее значение *равнинного пространства* в истории русской индивидуализации. Открытое и обильное пространство облегчает людям обособление и расселение: нет необходимости «уживаться друг с другом» во что бы то ни стало, ибо организационное приспособление друг к другу заменяется расхождением *в разные стороны*. Теснота жизни и густота *населения* приучает людей к организующей сплоченности; и обратно.

К этим факторам *славянства, равнинного пространства и редкой населенности* надо прибавить еще влияние *азиатского кочевничества*. Кочевничество имеет способность расплывать людей; с оседлого участка нелегко уйти, а имущество скотовода и открытая степь сами зовут к уходу и обособлению. Если же азиатский кочевник становился воинственным, то от его неистового грабительского напора страдали все окрестные страны (Чингис Хан). Таким образом, Азия дала русскому народу мучительный и заразительный урок противообщественности, ограбления и порабощения: она вдохнула ему в душу склонность разнуздывать инстинкт и богатеть *не от творческого труда, а от нещадного нажима на соседа — от смуты и погрома*.

Под влиянием этих и других факторов сложилась русская индивидуальность во всем ее отрицательном и положительном значении. Следы и проявления ее идут через всю русскую историю.

Так, в эпоху уделов каждый княжич получал *особый «удел»*, что вело к бесчисленным несогласиям и усобицам и обессилело Россию перед лицом вторгающихся монголов. Свободного соглашения интересов русские люди искали на *вечевых собраниях*,

и если не находили его, то решали дело побоищем. Тяга к самостоятельности и обособлению вызвала к жизни и новгородское «ушкуйничество», которое повело к колонизации Новгородом севера России. На том же пути возникло и наше *казачество*: это были беглые свободолюбцы, люди вольной инициативы, предприимчивые индивидуалисты, предпочитавшие анархически-грабительскую авантюру — покорному, тягловому соседству. Русская колонизация шла целыми столетиями не в порядке правительственных мероприятий, а в процессе вольного разбегания народа, искавшего «где лучше» и бежавшего от государственного зажима; потому русские казахи «войска» и разместились по окраинам России.

* * *

Вся история России есть борьба между центростремительным, созидующим тяготением и центробежным, разлагающим: между жертвенной, дисциплинирующей государственностью и индивидуализирующимся, анархическим инстинктом. Центробежная тяга в известном смысле тоже служила государству, заселяя окраины, отстаивая их от вторжений и постепенно поддаваясь государственно-воспитывающему влиянию Москвы. Напряжения и успехи государственного духа, которым строилась историческая Россия, постепенно укрощали и замирали порывы анархического инстинкта; и тогда буйный авантюризм или вытеснялся в душах, или уходил на окраины государства, но и в том и другом случае он *не угасал, а тлел подпочвенно* наподобие горящего торфяного болота. И когда давление центра возрастало (Иоанн Грозный, закрепление сословий при Алексее Михайловиче, государственное напряжение при Петре, усиление крепостного права при Екатерине, напряжение великой войны 1914–1917 гг.), то подземное тление вспыхивало пожаром и грозило распадом России (Смута 1607–1613, бунт Разина 1667–1668, бунты стрельцов 1682, 1689, 1697; бунт Пугачева 1773–1774, большевистская революция). Русское правительство как бы укрепляло и приводило в движение национально-государственный *мускул*; но *перенапряжение* этого мускула отзывалось восстаниями центробежного инстинкта.

Однако было бы нелепо думать, что историческая Россия строилась больше всего принуждением, страхом и казнью. Государство вообще держится *инстинктом национального самосохранения и правосознанием граждан, их полусознанной лояльностью, их чувством долга, их патриотизмом*. А в исторической России (XIII–XIX век) административный аппарат был технически слаб и беспомощен и *совершенно не мог проработать силою принуж-*

дения огромную пространственную толщу нашей страны. Историческая Россия строилась верою и национальным инстинктом, государственным чувством и правосознанием, а также тяжкими уроками завоевания и порабощения со стороны иноплеменников (татары, шведы, немцы, поляки, турки). Нажим врагов на незащищенную естественными рубежами Россию заставлял русский народ *осознавать свою самобытность, укрепиться духом*, центростремительно сплотиться, чтобы затем центробежно раздвинуться и отстоять свой новые рубежи.

Этот процесс постепенно превратил Россию в *великую державу* и потребовал от русского гражданина *великодержавного разума и волеия*. *Индивидуализированный инстинкт* должен был увенчаться *индивидуализированной духовностью*, т. е. лично окрепшею верою, личным характером, личным правосознанием, личным разумением государственных потребностей и задач России. В критический час *истории этого не оказалось, и наступила трагедия* — разложение фронта и большевистская революция со всеми ее последствиями.

Это не значит, что личная духовность *совсем отсутствовала в России*. Но в массах она была *не укреплена, не воспитана и не организована*, а в смысле государственного разума и навыка совершенно слаба.

Личная духовность в России всегда имела *свободное дыхание в области веры*, ибо Православие (в отличие от протестантизма, утратившего веру в личное бессмертие человека) всегда утверждало *лично бессмертную и лично ответственную душу* и (в отличие от католицизма, строящего свою веру на воле, дисциплине и гетерономии) всегда культивировало *тайну личного восприятия Бога*, личного созерцания святыни и личного, автономного совестного делания. Россия не знала инквизиционной системы и системы истребления еретиков: православно верующий был по самой идее своей призван к религиозному самостоянию и личному строительству своей веры — и если это осуществлялось недостаточно (и со стороны верующих, и со стороны Церкви), то идея Православия и задание его от этого не менялись.

Далее, личная духовность в России строила *семью*, воспитывала детей и вынашивала тот глубокий и чуткий *совестный акт*, который так характерен для русского человека. Она вынашивала и выносила русское *искусство*, начиная от православной иконописи и кончая русской музыкой наших дней. Она создала русскую науку.

Она нашла себе особое выражение в *русской армии*, где военная организация и личная доблесть солдата шли рука об руку; где

Суворов, идя по стопам Петра Великого, выдвинул идею солдата как религиозно верующей и несущей духовное служение личности, где воинская инициатива и импровизация ценились всегда по заслугам.

Личная духовность в России проявлялась и в местном, сословном и церковном *самоуправлении*, история которого начинается с XII века, в создании артелей и кооперации, в культурном (музыкальном, театральном и школьном) организаторстве, в хозяйственном творчестве русского крестьянина, купечества и дворянства.

Но, может быть, она нигде не выразилась так самобытно и совершенно, как в русском национальном *хоровом пении*. В отличие от ряда других народов, заменяющих хоровое пение рубленным речитативом или совместным ревом в унисон, русский национальный хор, никем не обученный, как бы «от природы», без подготовки исполняет песню во много голосов, по слуху, верно, причем каждый голос гармонически ведет свою мелодическую линию, свободно варьируя подголоски и двигаясь в самобытных тональностях, доселе не определенных музыкальными теоретиками. Русский поющий хор есть истинное *чудо природы и культуры*, в котором *индивидуализированный инстинкт* свободно находит себе индивидуальную и верную *духовную форму* и свободно слагается в *социальную симфонию*. Этим и предначертываются пути грядущей России.

Все это можно выразить так: индивидуализация *инстинкта дана* русскому человеку, а индивидуализация *духа* является его исторической *задачей*; русский человек имеет *душу внутренне свободную*, даровитую, темпераментную, легкую и певучую, а *духовная дисциплина* и *духовный характер* должны быть еще выработаны в русской народной массе.

Русская душа не может пребывать в рабстве — ни у своих собственных страстей, ни у коммунистов. Она не должна довольствоваться индивидуализацией своего инстинкта; она призвана найти для него духовно верную, личную форму. Русскому человеку предстоит сделаться из «особи» — *личностью*, из соблазненного «шатуна» — *характером*, из «тяглеца» и «бунтовщика» — *свободным* и *лояльным гражданином*. Тогда Россия окончательно превратится из песчаного вихря — в *художественное здание* несокрушимой прочности. Она станет *поющим хором*, и хаос не будет ей страшен. Этим определяется и настоящее и грядущее нашей страны.

Коммунистическая революция есть в действительности глубокая историческая реакция: попытка вернуться к доисторической первобытной коллективности, к недифференцированному

состоянию души и общества. И в то же время это есть некоторый радикальный и поучительный опыт, доказывающий разрушительность и жизненную нелепость этого замысла. Нельзя «взять назад» индивидуализацию инстинкта и «отменить» всякую духовность в жизни народа, как попытались сделать коммунисты. Личное начало должно было быть утверждено и признано. И Россия возвратит себе все «взятое назад» и «отмененное». Этим и определится ее будущее.

Только этим путем, т. е. воспитанием русского человека к духовности и свободе, воспитанием в нем личности, самостоятельного характера и достоинства, можно преодолеть и все тягостное наследие тоталитарного строя и все опасности «национал-большевизма». Изображать же этот путь духовности, личной свободы и творческой самостоятельности как призыв к национал-большевизму можно, только утратив и смысл, и совесть.

1 мая 1950 г.

